

РАЗМЫШЛЕНИЯ В АНТРАКТЕ

ЭКСПЕРИМЕНТ. ЗАМЕТКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Трудно осознать общие проблемы современного театра без тщательного анализа их в конкретных коллективах. Эти заметки не есть претензия на истину в последней инстанции. Это скорее мысли вслух, которые, кстати, и в собственном Кировском театре воспринимаются неоднозначно. Это попытка театральной практика высветить проблему изнутри...

...Не верю глазам своим! Приказ министра культуры СССР № 330 от 6 августа 1986 года «О комплексном эксперименте по совершенствованию управления и повышению эффективности деятельности театров». Разговоры, планы, проекты... Кто-то замечательно и грустно пошутил, что настоящий эксперимент — это то, что было раньше, а сейчас наступает то, что должно быть.

В приказе на первом месте — «совершенствование управления», но это средство, а где цель? Что в эксперименте — экспериментального? Эксперимент предполагает пробу, опыт, проверку гипотез. Но разве надо проверять гипотезу о творческой свободе или об ответственности и требовательности к себе художника? И гипотеза ли это? И так ли уж экспериментальны экономические нововведения?

Бывший главный стремительно переместился в другой театр. В здании нашего театра начинается вторая очередь реконструкции. Строительные комиссии бродят по театру, громко обсуждая стратегию своих будущих действий.

Собрание коллектива. Все возбуждены: кто будет главным? Лидер в театре есть. Есть и другие кандидатуры. Обком и управление волнуются. Коллектив показал себя зрелым, «атмосфера здоровая, скрытой групповой борьбы нет». Два человека — против, два — поддержали, остальные — за. Главным режиссером стал лидер театра М. Салес.

Репетируем «Ревизора». Строители все чаще появляются в зале. Шум нарастает. Борются с этим бессмысленно. Жаль, у Гоголя нет таких действующих лиц.

СТД РСФСР прислал «Информацию секретариата». В. Фокин как секретарь правления СТД выразил недоумение по поводу участия Кировского театра в эксперименте: мол, здание на ремонте, руководство поменялось, ситуация нетипичная...

Многие не любят одержимости и максимализма. Работу без сна, еды, режима. Этого не понимают иногда даже самые близкие. Но в этом весь Салес. Не терпит в людях равнодушия, самоуспокоенности, лени. Только так можно сдвинуть то, что стояло годами.

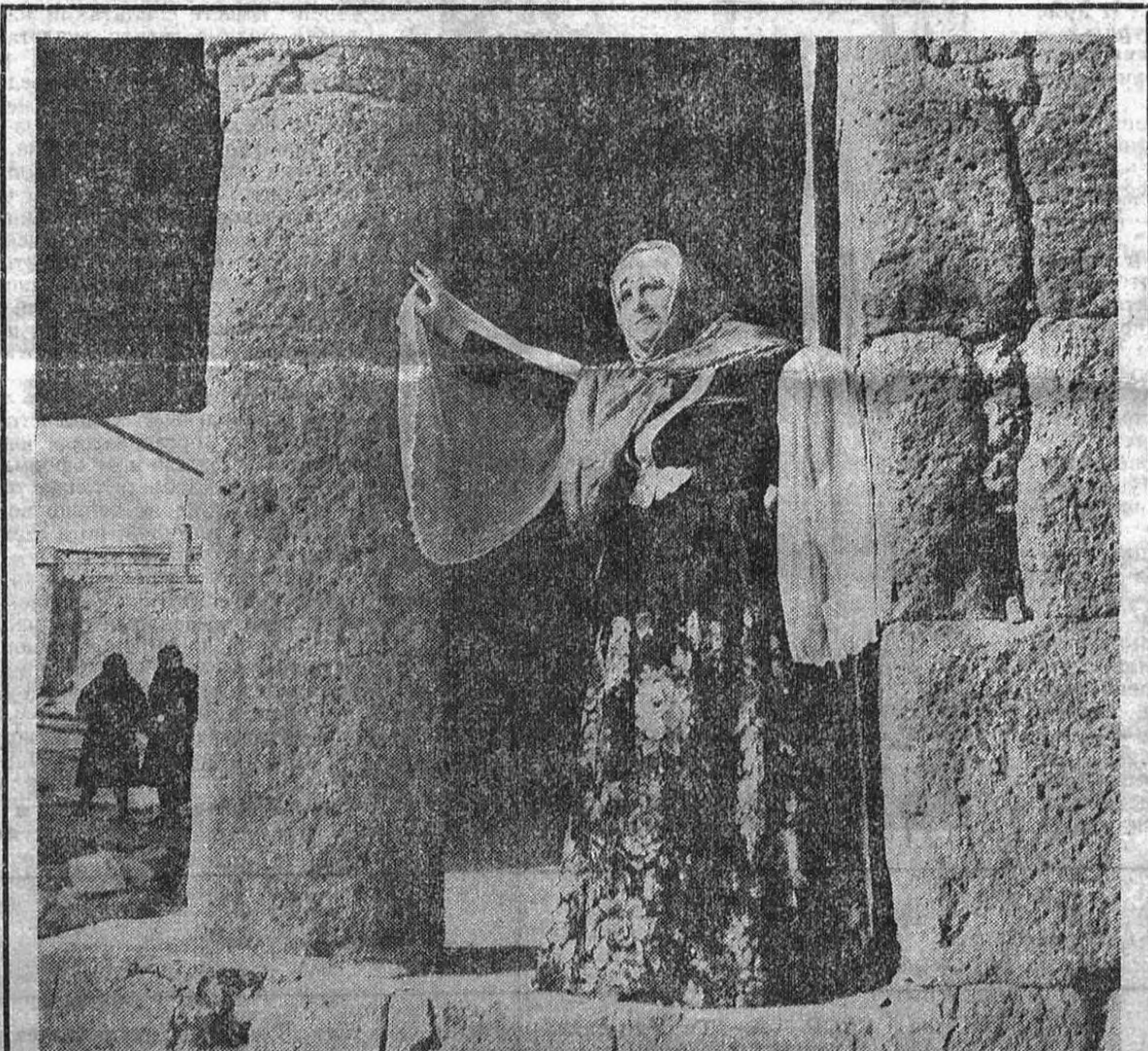
Движение к лучшему есть. Стали тщательнее планировать. В труппе — хороший настрой на работу. Обострилось чувство нового. Многие вновь обретают честолюбие — добрый признак. Но сам не могу отделаться от ощущения полувинчатости. В основном это касается экономической стороны эксперимента.

Есть возможность несколько повысить зарплату части труппы. Решили с этим не торопиться. Заменяли надбавку премиями, которые определяем, учитывая вклад каждого, при активном участии творческой комиссии, администрации и общественных органов. Пытаемся подчинить «рубль» качественному творческому результату.

Решили начать с репертуара. В чем сложность? Ясно, что если понимать город не как географическую точку, а как сообщество людей со своей духовной культурой, то здесь одна особенность: мало вузов, приток новых горожан в основном за счет опустевших деревень Нечерноземья. Кировская область одна из «пожилых» в РСФСР: каждый четвертый — пенсионер. Если мы хотим полные залы, то обязаны брать во внимание эти обстоятельства, думая

о финансовом аспекте. Иначе это отразится реальным денежным уроном для всего коллектива. Таковы условия эксперимента. При этом мы должны думать о воспитании художественного вкуса, о повышении общего уровня культуры. Казалось бы, есть выход — расколоть репертуар на самостоятельные сферы: «для истины» и «для плана», но это компромисс... Все эти противоречия, причем не в пользу истины, включает в себя эксперимент.

Командировка в Куйбышев. Здесь театр замечательный: зал, зрительское фойе. Рабочая тишина. Строителей нет. П. Монастырский с горящими глазами, умно и темпераментно рассказывает, как проходит эксперимент в его театре. Когда Монастырский узнал, что мы не сделали надбавку актерам, сказал: «Тогда вы не в эксперименте». Обидно!.. Смущаясь, влез в монолог Монастырского и спросил: а каким образом все это отражается на творческом ре-

Врача Г. Илизарова, основоположника новых методов лечения в травматологии, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда, знает весь мир. И только на его родине, в Южном Дагестане, где живут его соотечественники — таты, на вопрос о том, кто самый великий человек на Северном Кавказе, можно услышать: «Илизаров — гений. Но есть еще Мозол Израилова...»

Татов всего несколько тысяч человек. Испокон веков они возделывали землю и сажали виноград в окрестностях Дербента.

XX век с его историческими катаклизмами поставил перед татами, как и перед многими малыми

нациями, проблему национального самосохранения. Определение своего лица стало требовать больших усилий. Нужно было сохранить язык — плывилась письменность. Нужно было собрать культурную традицию — гасился театр.

Может быть, именно среди малых народов слово «интеллигент» прижилось с особенной гордостью. Люди, которые своим трудом сберегают душу народа, окружены здесь удивительно трепетной любовью.

Мозол Израилова — ведущая антриса татского театра.

Директор жалуется на частые стычки с финансовыми органами, которые «над театром». Такое ощущение, будто эксперимент только для театра, а для финансовых органов его нет. Нельзя перестраивать театр, не перестроив надстройку над ним. Сколько надо времени, чтобы мы с мышлением начала 70-х, со знанием коммерции на уровне лозунга «Экономика должна быть экономной» смогли понять — экономя на художественном качестве, мы теряем в главном!

Сезон складывается непросто. Объездили близлежащие крупные города Удмуртии, Татарии, Коми, а до этого были летние гастроли на Дальнем Востоке, одним словом, сил нет, а строители не торопятся. Сердце радуется, что в «верхах эшелонах власти», между Салесом и Семеновым, — деловое единодушие. По-моему, и в этом «повинен» эксперимент. Директор понимает, что в театре должен осуществляться принцип единой творческой воли, носителем

которой является художественный лидер. Нет амбиций и конфронтации — кто главнее, а есть желание в экстраординарных условиях работать по-новому и хорошо. Это не значит, что все идет гладко. Жестко полемизируем о способах улучшения своего финансового положения. Салес всеми силами пытается разрушить давнюю установку: пустые места в зале — эти наши просчеты, эти «амбразуры» — закрывать количеством спектаклей. Должен быть какой-то разумный предел, охранная норма своего рода. Новый режим работы, наверное, и хорош тем, что обнажает проблемы, заставляет думать и искать пути.

СТД РСФСР на базе нашего тюза проводил совещание руководителей детских театров. Мы работали в это время на сцене Дворца культуры. Посещаемость стопроцентная. Когда из плана работы совещания узнал, что в нем участвует «серьезная» обойма специалистов из центрального СТД, мне представилось... Мне сразу представилось, как уважаемые мною специалисты, окружив нас и тормозя, выпрашивают, может быть, излишне назойливо о ходе и проблемах эксперимента. А мы в свою очередь, рассказывая об этом, перенимаем у них уже какой-то обобщенный опыт. Идет совместная и полезная работа. «Ведь им там, в центре, трудно без достаточной информации из региональных театров, работающих в эксперименте, — думал я. — Надо товарищам помочь!»... Но все это осталось мечтой. Можно понять перегруженность авторитетных социологов и экономистов в области театра, но становится ясно еще и другое: что эти службы СТД малочисленны и немного приносят пользы конкретным театрам. Формально — присаживают специалистов, выступают с высокими трибунами, для большой аудитории, рекомендуя и критикуя вообще, и уезжают. А новые времена, новое мышление мы ощущаем, лишь читая пространственные статьи.

Закончились трудные гастроли в Кривом Роге и Донецке.

Ура! Завершается реконструкция в здании театра. Строители отстают от плана всего на 15 дней.

Близок финал двухгодичного эксперимента. Финал, который, как пообещал министр культуры СССР, станет первым шагом к театральной реформе.

Отыгран последний спектакль сезона. Сезон закончен — работа продолжается.

Сейчас работаем над созданием проекта договора «Театр — творческий работник», над самым уязвимым звеном эксперимента. Пусть пока это будет нашей «местечковой» моделью, пусть несовершенной, но надо что-то делать — система переизбрания себя не оправдала, оказалась порочной. Надо искать новые пути. Весь коллектив проголосовал за договорную систему. Актер должен иметь уверенность в завтрашнем дне. В свою очередь, театр должен быть уверен в профессионализме специалиста. Договор — гармоничное сочетание демократии и власти, свободы и порядка, личности и коллектива. Договор — это «сокрытый двигатель», основа нового мышления. Идея нового времени сами по себе ничто, вне учета того, кто их осуществляет. Ура!

На улице шуршит осень. В театре уже относительный порядок. Строители клятвенно заверили, что в ноябре мы откроем 112-й сезон.

Местная организация СТД «распространила» на три театра единственный экземпляр проекта театральной реформы. Обсуждали у Салеса. Все, что касается дальнейшего развития самостоятельности и свобод, многообразия форм деятельности театра, — возражений нет. Мнения разделились только в вопросе стратегии. Переход от государственного к государственно-общественному управлению театров — это идеал, к которому надо стремиться. Это наша «рождественская елка», но водить хороводы вокруг нее рано. Частичный или полный хозрасчет возможен в стране высокой культуры. Многие в проекте ориентировано на «обслуживание», а не на развитие духовного потенциала. Прыгать через две ступеньки — рискованно, можно сломать ногу...

СПРАВКА: Кировский драматический театр за полтора года работы в условиях эксперимента (здание театра на реконструкции) осуществил постановку 8 спектаклей.

Сыграно 794 спектакля при плане 689. На спектаклях побывали 336,8 тысячи зрителей (план: 305,2). Доход театра составил при плане 461,6 — 545,2 тысячи рублей.

В. СТЕПНОВ,
заведит театра.

Фото Р. Дика.

КИРОВ.